

ФИЛОСОФСКАЯ ЭССЕИСТИКА

ДИСКРЕТНОСТЬ И КОНТИНУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ: ИНФАНТ-КУЛЬТУРА И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

А.Г. Юркевич

Слово «история» принято понимать в двух основных смыслах: как повествование о прошлом и как науку, изучающую прошлое. Но в общественном сознании до-модерного и модерного общества история воспринималась и как некий деятельностный континуум. Он творится личностями и народами, перетекает в настоящее, присутствует в *современной* жизни, задает основания *современной* системы ценностей, вмещает личности и деяния, которые подлежат непрременной нравственной и эстетической оценке в категориях этой системы *современными* людьми, применительно к ним самим и их жизненным обстоятельствам. Квинтэссенцией такого способа восприятия истории была и остается религиозная вера: Священная История в ее отдельных событиях и лицах переживается как целостность, объемлющая жизнь верующего. Аксиологическим камертоном органического самоощущения себя в истории в тех или иных национальных культурах может служить даже революция, коль скоро ее герои так или иначе выступают не только ниспровергателями, но и *продолжателями* чего-то, хотя бы и некоей традиции борьбы с несправедливостью.

Ныне подобное переживание истории как собственного жизненного континуума стало принято клеймить почти неприличным словом «традиционализм». Замшелым ценностям и установкам, которые остаются в утешение ретроgrадам, противопоставляются постоянно обновляемые, сменяющие друг друга на подиуме интеллектуальной моды теории и мировоззренческие принципы, претендующие на конгениальное осмысление исторического бытия личности в самореализации ее естественных прав. Разумеется, идеалы тотального либерализма пока не одержали окончательную победу и не похоронили эту максиму вместе с соответствующей реальностью. До той поры непрерывное профессиональное философствование будет выполнять свою главную гуманитарную функцию, жизненно необходимую для человечества, — закрывать все новые прорехи, образующиеся в ткани общественного сознания и грозящие фрустрациями с летальным для культур и цивилизаций исходом. Многоцветные заплатки конкурирующих теорий и принци-

пов, в немалом числе альтернативных «традиционалистским», с должной избирательностью ложатся на разного рода дыры в сугубо непохожих текстурах «коллективного сознательного», продлевая его существование.

Однако неизбежное, а потому разумное и в чем-то действительно врачевание «подобного подобным» — в данном случае фрустраций и комплексов анти-традиционалистского менталитета анти-традиционалистским же философствованием, — в массовом сознании имеет, к сожалению, менее приятного двойника. Понятие «современности» как главного критерия нормативности, противопоставляемого истории, в интеллектуальных построениях чаще всего подразумевает невиданную дотоле степень самореализации все тех же естественных прав. Автономная и самодостаточная «современность», как бы она не соотносила себя с тем, что было и что будет (или должно быть), разрывает поток истории, делит его на дискретные участки, из которых посредством лабораторного препарирования вроде бы можно извлечь даже и нечто полезительное — для «современности» и «будущего».

В массовом сознании с падением или ветшанием бастионов религиозности и воцарением идеалов *égalité* дискретное восприятие истории становится само собой разумеющимся, а «современность» в ее нормативном аспекте предстает как переживание сверхценности самосущего «я» здесь и сейчас. Пресловутая проблема отцов и детей в тургеневском видении и даже в последующих драматических, в том числе революционных, версиях все-таки может быть сведена к противостоянию моделей культуросозидания в такой ситуации, когда парадигма, претендующая на *современность*, так или иначе должна искать способы *дополнения* себя отринутой вроде бы традицией (ленинская установка: «овладеть знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»; «китаизация марксизма» и т.п.). Современная же массовая культура предполагает формирование субкультур, манифестирующих свою принципиальную *отделенность* от предшествующего опыта.

Это общественное явление имеет солидную экономическую базу. Толчок к ее созданию был дан в ту эпоху, когда специальная литература для юношества стала отдельным и достаточно прибыльным жанром. Но в приключенческих повестях и романах XIX — первой половины XX в. действовали благородные герои, руководствовавшиеся вполне «традиционалистскими» и «модерными» ценностями. Вторая половина XX в. сделала более чем успешными экономически те отрасли, что стали работать на удовлетворение девиантных психологических потребностей тинейджеров. Их субкультуры приобретали рыночную значимость вместе с ценностями и установками, свойственными данной возрастной группе. Протест против навязываемых взрослыми правил, конформизм подростковой стайности при стремлении выделиться, хотя бы и за счет групповых признаков, уверенность в хроническом непонимании со стороны старшего поколения, эгоцентрическая убежденность в первостепенной значимости собственных переживаний, нежелание и неумение понять мотивы и ценности взрослых, гиперсексуальность — весь этот подростковый психологический букет стал исходным основанием маркетинговой политики громадных секторов шоу-бизнеса и СМИ.

Не только особенности музыки и вокала, но и внешний вид, манера поведения «звезд» — объектов поклонения и подражания со стороны подростков — воплощают вековую мечту юных поколений об уверенности в себе, максимальной независимости, возможно более широком признании, безнаказанном нарушении конвенциональных норм. Спекулируя на особенностях мировосприятия тинейджеров, шоу-бизнес и сопутствующие ему отрасли в то же время активно формируют рынок, закрепляя в сознании потребителя соответствующие ценности и поведенческие стереотипы — принципы новой конвенциональности, обеспечивая таким образом расширение сбыта «творческой» продукции. Одним из результатов таких усилий в нашей стране стал, в частности, известный феномен: фигуры речи и формы поведения, которые чуть более десятка лет назад считались признаками очень трудного детства, превращаются в свидетельства приобщенности к «гламурной» элите. Ее примеру с энтузиазмом следуют широкие молодежные массы. Они взрослеют, неизбежно меняются психологически, но уже не в состоянии изжить те базовые ценности и установки, что годами закреплялись усилиями талантливых промоутеров. Взрослые отпрыски инфант-культуры пребывают в уверенности, что почерпнутые в телевизоре экстремальные способы межличностной коммуникации — признак несомненной «крутизны», а вкусы и культурные потребности старших поколений — недостойный современности «отстой». Вчерашняя молодежь незаметно для себя становится «старьем» и «отстоем» в глазах очередной поросли, и каждая следующая генерация, похоже, все менее склонна считаться с мыслями и чувствами предыдущих и последующих.

При этом сознание новых поколений — как читателей вывесок и ценников, так и тех, кто штудирует книги модных мыслителей и любит размышлять об умном, — ничуть не менее мифологизировано, чем у их «отсталых» предшественников. Неолиберальные мифы точно так же спасают от травм чувствительный внутренний мир гуманитария-глобалиста, как вера, скажем, в «правильного» главу исполнительной власти выручает подкорку той части электората, которая предпочитает книжке телевизор. Находится тут место и мифологизированной истории — но поделенной на кусочки, вырезанной из живого потока «людей во времени» пиар-сказочниками. Сам по себе «исторический миф» как явление не плох и не хорош. Он отражает потребности тех или иных общностей в консолидации и, как только в нем ощущается необходимость, неизбежно рождается коллективным сознанием. Наличие устойчивой объединяющей мифологии было и остается важным условием выживания наций и локальных цивилизаций. И ведущая роль здесь принадлежит мифологизированной истории.

Выбор мировоззренческих моделей, который давали бы возможность переживания потока истории как русла собственной жизни, не так широк, как хотелось бы. Похоже, он сводится к традиционалистским паттернам религиозного либо светского характера, неизбежно предполагающим интеграцию мифа в структуру индивидуального и массового сознания. Пример массовой нерелигиозной (или квазирелигиозной, когда речь идет о мифологизации коммунистического периода истории) традиционалистской мировоззренческой доктрины дает современный Ки-

тай, где в последние два десятилетия активно реабилитируется конфуцианская традиция. Традиционные, легко узнаваемые знаками канонического писания идеологемы уснащают речь государственных и партийных руководителей. Те охотно цитируют сочинения мыслителей-конфуцианцев прошедших эпох, обращаясь к самой разной аудитории. В установочных документах, декларирующих курс на развитие «гражданской морали», важнейшие положения представлены в формулировках, по форме и существу чрезвычайно напоминающих конфуцианские этические установки. То же касается и современных «проработочных» кампаний, направленных главным образом против коррупции, злоупотребления властью и экономических преступлений. Идеал честного, неподкупного чиновника, выдвинутый еще имперским конфуцианством, вновь востребован, теперь уже партийно-государственным руководством коммунистического Китая.

Параллельно при государственной поддержке оживают традиционные модели эвгемеризованного мифа. Китайская цивилизация почитала себя единственной преемницей достижений древних культурных героев, таких как рогатый, оснащенный змеиным туловом Фуси, изобретший триграммы для передачи внутреннего смысла космических Перемен, а также узелковое письмо и орудия лова. Гибкий хвостик древнего государя, спирально извиваясь, уходил в хтонические недра, к самому истоку мироздания, свидетельствуя об укорененности в этом истоке единственно истинной цивилизации Поднебесной. Современные археологические изыскания и использующие их достижения государственные программы, нацеленные на хронологизацию тех периодов правления и династий, которые западными учеными привычно относятся к мифологическому этапу китайского прошлого, упорно тянут хвостик китайской цивилизации к той точке, которая должна соединить современность не просто с глубинами истории — с пуповиной вселенной.

Можно по этому поводу негодовать, противопоставляя идеологической заданности чистую объективность «современной» научной и философской методы. А можно вспомнить о зыбкости научных догм, неоднократно менявшихся под давлением вновь обнаруженных фактов, которые в эти догмы не укладывались, о дискуссиях по поводу мириад проблем прошлого наций и цивилизаций, тем более в части древнейшей истории. Да и чем явно относящаяся к неолиту легендарная китайская «династия» Ся, правители которой перечисляются в древних исторических сочинениях, хуже ранних династий фараонов Египта? Другое дело — вопрос о совмещении мифа и признанных «современностью» критериев объективности в границах индивидуального сознания, крепко затронутого верой в спасительность исключительно тех построений, что верифицируются «бесспорной» фактологией и передовыми методами теоретического мышления.

Психологически проще понять (и принять как «действительное» и «разумное») мифологию других культур. К примеру, каждый китаец сызмальства узнает имя Юэ Фэя — легендарного полководца-патриота XII в., героя войны с чжурчжэнями. Считается, что он пал жертвой навета предателей, стремившихся заключить позорный мир с врагом. Незадолго до кончины он едва не одержал окончательную викторию над супостатом, но победу у него украли окопавшиеся при

дворе ренегаты, пославшие ему приказ о прекращении наступления. Исторические разыскания показывают, что Юэ Фэй стал скорее жертвой своей самостийности, бесцеремонности, пренебрежения указами высшей власти. А его якобы последнее и решительное наступление захлебнулось само по себе, из-за нехватки сил и оперативных просчетов, и только помощь правительственной армии позволила ему спастись с остатками войск. Но патриотом, хотя и жутким ксенофобом, Юэ Фэй действительно был, и этот его бескомпромиссный патриотизм по заслугам был оценен китайским культурным сознанием в последующие эпохи национального унижения.

Сложнее со «своей» национальной мифологией, где «понимание-непонимание» и «принятие-непринятие» неизбежно сопряжены со сложностями отношений субкультур, рождавших и рождающих собственные мифы. Но обязательно ли «субкультурно чуждая» мифология должна подвигать независимо мыслящего индивида на всенеизбежное ее развенчание? Пусть не первым, а 41-м героем, закрывшим своим телом амбразуру, был Александр Матросов, — в какой степени это девальвирует мужество и самопожертвование мальчика, преодолевшего в себе ужас смерти? Согласно неким историческим свидетельствам, царевич Димитрий был вовсе не так кроток, как описывает житие, и в некоторых проявлениях характера выказывал страшноватые черты тирана-отца, — насколько это облегчает грех детоубийства? И кому было стать символом невинной жертвы (и вечным напоминанием о том, что детей убивать нельзя!) как не отпрыску помазанника Божия, Государя всея Руси?

Естественно необходимая нравственная оценка смысла исторического мифа, его органичности или надуманности не означает — по крайней мере, не должна означать — отказ от попыток понять предпосылки и условия появления этого мифа, соотнесения его с живым миром человеческого сознания, так или иначе продолжающего себя в твоём бытии и личностном самоопределении. Альтернатива усилиям такого рода — дискретность восприятия истории, эффективно дополняющая тренды инфант-культуры, промоутеры которой не без успеха осуществляют грандиозный проект поворота вспять моральной эволюции человечества.

DISCRETNESS AND CONTINUITY OF HISTORY: INFANT-CULTURE AND ITS' ALTERNATIVES

A.G. Yurkevich